

Юло Кальм

ЭСТОНСКИЕ ШВЕДЫ

В статье дается характеристика шведско-эстонских поселений, которые возникли в доисторическое время и постепенно увеличивались. Эстонские шведы жили вдоль западного побережья Эстонии и на островах. В XIV–XV вв. их численность достигала 10–12 тыс. человек. Ученые Эстонии и Швеции на базе археологических и географических названий выявили причины создания поселений шведами. Долгие столетия эстонские шведы культивировали свой язык и культуру, не сливаясь с соседними народами. Автор описывает социальные, культурные, языковые основы развития эстонских шведов. С середины XVI в. их численность сократилась. Эти поселения первоначально входили в Шведское королевство, а позднее в Российскую империю. В начале и середине XX в. сложилась сложная ситуация в связи с войнами, но культура развивалась и в этот период. В советские время многие эстонские шведы уехали за пределы страны. В настоящее время возрождается национальная культура, за исключением шведских диалектов, сохраняющихся со Средневековья.

Ключевые слова: эстонские шведы, национально-культурная история, современная социально-политическая жизнь.

Ülo Kalm

ESTONIAN SWEDES

In this paper is given the historical review of the old Swedish-Estonian settlements. Estonians Sweden lived along the west sea coast and on the islands. In XIV–XV centuries there lived 10–12 thousand Sweden. The scientists in Estonia and Sweden studied the ground of rising the Swedish settlements based on the archaeological and geographical data. A lot of time Sweden kept the language and culture, not united with neighbors. It is written about social, cultural, language grounds of the development of Sweden. In the XVI century they lived under the Swedish state, then the Russian empire. In the XIX century Sweden became some freedom. During the wars in the XXth century it was a hard time, many of them went away from Estonia-Sovjetuniunen. Now they renew Swedish culture. But not the old Swedish dialects.

Keywords: Estonish Swedes, national-cultural history, now-day life.

Введение

Шведы живут в разных частях мира. Но исторические шведские поселения отличаются от тех, которые появились за последние 200 лет. К древним поселениям принадлежат шведские общины в Финляндии и Эстонии. Исследователи находят все больше доказательств тому, что эти поселения возникли уже в доисторические времена и затем постепенно расширились. Общим для всех шведов является то, что они говорят (или их ближайшие предки говорили) на одной из разновидностей шведского языка.

Территории, заселенные финскими шведами, долгое время были частью Шведской империи, поэтому их жители имели тесные связи с «отечеством». Эстонские шведы, в свою очередь, были не так сильно связаны с исторической родиной, за исключением периода, когда Эстония была частью Швеции, то есть с 1561 по 1710 г. Поэтому эстонские шведы сохранили более древнюю форму языка и традиции, чем шведы на исторической родине или, например, в Финляндии. Разумеется, на протяжении веков эстонские шведы попадали и под другие влияния, следы которых можно обнаружить в языке и культуре общины.

Распространение шведских поселений в Эстонии в течение веков не было равномерным. Общим оставалось то, что шведы всегда жили вдоль побережья или на многочисленных островах. Они использовали экологическую нишу прибрежных районов и занимались промыслами, судоходством, охотой на тюленей и морских птиц, а также ведением сельского хозяйства, в основном животноводством.

Территория шведских поселений в Эстонии почти целиком расположена в области осадочных пород, к которой, помимо северной и западной Эстонии, также принадлежат острова Эланд и Готланд на побережье Швеции. Ландшафт всех упомянутых районов имеет много сходств. Живописные побережья Эстонии, во многом напоминающие Готланд и Северный Эланд, были весьма низкими, поэтому возможности земледелия в этих районах оставались ограниченными, в то время как пастбища для скота могли простираться далеко.

Области северо-западной Эстонии, которые еще в XX в. считались центром эстонско-шведского заселения, — приходы Ноароотси (шв. *Nücker*) и Вормси (шв. *Ormsö*) — вероятно, самыми первыми попали под волну колонизации. Эти местности упоминаются как шведские поселения уже в первых письменных источниках, описывающих данные местности и относящиеся к XIII в. Когда здесь поселились скандинавы, еще не выяснено,

но погребения железного века и датировки оград свидетельствуют о том, что это могло произойти за несколько сотен лет до того, как Ливонский орден и Дания получили контроль над Эстонией в первые десятилетия XIII в.

В XIV–XV вв., когда распространение шведских поселений в Эстонии было наиболее обширным, шведов можно было обнаружить на всей территории — от Ида-Вирумаа на востоке Эстонии до западного побережья острова Сааремаа (шв. *Ösel*), находящегося в Рижском заливе острова Рухну (шв. *Runö*), и, вероятно, также в самых северных частях Курляндии (латыш. *Kurzeme*). В то время численность шведов в Эстонии достигала 10–12 тыс. человек, что составляло значительную часть (около 5–10 %) тогдашнего населения этой страны.

Основание Эстонии

Самые ранние исследования истории эстонских шведов были основаны на том факте, что скандинавские прибрежные поселения (в то время вряд ли существовала некая развитая форма шведской этничности) фактически являлись остатками коренного населения германского происхождения на другом берегу Балтийского моря. Возможно, речь идет об упомянутой Тацитом этнической группе *Aestii*, которая была вытеснена и изолирована в процессе недавней финско-эстонской колонизации с востока. Языковед Карстен считал прибрежное население Эстонии и Финляндии остатками четвертой северогерманской народности (наряду со шведами, датчанами и норвежцами), но влияние и миграция также имели место и в более поздние времена — в эпоху бронзы, когда в регионе начали утверждаться финские племена, заселившие сначала Эстонию, а затем и противоположный берег Финского залива.

Археологических фактов или других эмпирических данных в поддержку данного исторического объяснения не имеется, возможно, потому, что наука в то время еще не была достаточно развита. Этнолог Эрнст Клейн, который по заданию Северного музея пытался уточнить историю развития поселения на острове Рухну, во время своего пребывания на острове в 1923–1924 гг. сделал ряд открытий, относимых к каменному веку. Клейн считал, что шведы прибыли на остров во время Великого переселения народов, а расширение их поселений продолжалось и в эпоху викингов. Сегодня уже имеются четкие доказательства ранних поселений на острове Рухну, старейшие из них датированы примерно 5300 г. до н.э., то есть позд-

ним мезолитом, они относятся к так называемой кундской культуре. Самые древние свидетельства настолько ранние, что их нельзя связывать с распространением более поздних языковых и культурных групп. Также не известно, на каких языках говорили первые жители Балтийского побережья в эпоху мезолита. Кроме того, еще недостаточно исследовано, есть ли связь (а если есть, то какая) между древнейшими жителями этих территорий и представителями более поздних культур в этой области. Однако использование современных методов изучения древней ДНК открывает все новые возможности в этой сфере.

До распада Советского Союза в 1991 г. единственные археологические исследования древних скандинавских поселений были проведены в Курляндии в 1920-х годах под руководством тартуского профессора Биргера Нермана. Вдоль побережья, в частности в Гробине (латыш. *Grobiņa*), недалеко от нынешней Лиепаи, Нерман обнаружил следы нескольких, вероятно скандинавских, доисторических поселений. Было найдено комплексное укрепленное поселение и около 3000 могил, относимых к Вендельскому периоду (650–800 гг. н.э.). Могилы располагались в трех отдельных захоронениях, была установлена их очевидная связь с готической культурой. В более поздних могилах (IX в.) в основном содержались останки скандинавских моряков. Много лет спустя (в 1987 г.) на этом же месте был найден картинный камень готического происхождения, датированный концом VII в. Находки Нермана дали возможность интерпретировать Гробиньское поселение как сообщество, в котором готландцы занимались мирной деятельностью под военной защитой, точно так же, как Руссвурм представлял истоки эстонских и финских сообществ, живших севернее. Однако Нерман думал, что жители Гробини были выходцами из древнего мощного государства *Svearíke*, в которое раньше входил также Готланд. Однако недавние исследования показали, что и в других местах этих окрестностей можно найти похожие могильные поля. Это отчасти объясняется тем, что готландские и скандинавские элементы в Гробине выражены не так явно, как считал Нерман. Исследователи все больше склоняются к мнению, что люди из Скандинавии и Готланда, прибывшие в эти окрестности, остались жить или просто вели торговлю в поселении, которое на том месте существовало уже раньше. Также возможно, что скандинавы захватили эту территорию в попытке установить связь между местными жителями и Скандинавией.

Языковед Пер Визельгрэн, который с 1930 г. был профессором, преподавал скандинавские языки в Тартуском университете, при помощи мест-

ных жителей из эстонских сельских общин собрал обширный материал по географическим названиям. Позже им частично были проанализированы названия двух окрестностей — Ормсё (*Ormsö*) и Остхарриен (*Ostharrien*). Визельгрэн считал, что названия окрестности Ормсё могут указывать на то, что небольшое поселение здесь существовало уже в начале XII в. По словам Визельгрена, это поселение могло быть основано язычниками из Свеаланда (*Svealand*), которые нашли убежище на другом берегу моря, когда в Швеции усилилось христианское давление. На самом деле нет доказательств, подтверждающих такую гипотезу. Однако шведские языческие названия этих местностей, например Харга (*Harga*), Оденсхольм (*Odensholm*), Торсгрунд (*Torsgrund*), могут указывать, что поселение было основано язычниками. Позже небольшое поселение укрупнилось за счет иммиграции с запада, связанной с завоеванием Эстонии и Лифляндии немецко-датскими войсками в XIII в.

На основании более ранних исследований предполагалось, что поселения эстонских шведов были связаны с восточными викингами, прибывшими из Скандинавии. Известно, что многие шведы жили, например, в Киеве, Новгороде, Константинополе и других городах. Рунические камни, найденные в Швеции, повествуют о людях, которые ездили в Эстонию. Очевидно, эти области к тому времени уже были хорошо известны и пути на восток существовали ранее. Высказывались различные мнения о том, что число шведских прибрежных поселений в Эстонии увеличилось в эпоху викингов, поскольку было известно об их походах через Балтийское море (даже до Черного и Каспийского морей), совершаемых с целями торговли, ограбления поселений и захвата рабов. Школьный инспектор Карл Руссвурм, первым описавший культуру эстонских шведов, считал, что наиболее ранняя волна распространения скандинавских поселений относится именно к периоду викингов, а последующую, более организованную, колонизацию он связывал с ранним Средневековьем и конкретно — с крестовым походом короля Эрика Джекварда в Финляндию в XII в. Руссвурм также считал, что шведские поселения в Финляндии и Эстонии являются результатом одного и того же процесса и что часть организованных поселений была некоторой формой шведских опорных позиций, предназначенных прежде всего для военных нужд и защиты других поселений, расположенных вдоль побережья [Руссвурм 1855].

Исследования, посвященные истории возникновения шведских колоний в Эстонии, в последние 70–80 лет были сосредоточены на интерпретации датских и немецких документов со времен, близких к завоеванию

Эстонии. В городском законе Хаапсалу (вероятно, 1294 г.) упоминаются живущие в тех местностях шведы. В других документах говорится о том, что курляндский епископ подтверждает право шведов, живущих на острове Рухну, управлять своим островом согласно «шведскому праву» (1341), а также о том, что аббат Падисского монастыря продает остров Суур-Пакри (шв. *Stora Rågö*) пяти шведским крестьянам (1345). Существование такого соглашения между прибрежными шведами и церковью объясняется желанием власти в короткий срок обратить в христианство крестьян, живущих на недавно завоеванных территориях, которые в то время еще оставались частично языческими. Историк Пол Йохансен указал, что вряд ли это представлялось возможным, если шведскую колонизацию датировать концом XIII в. В таком случае имел бы место конфликт с эстонским населением, подчеркивает Йохансен.

Проблемы датирования и распространения

Начиная с 1930-х годов исследователи при датировании поселений часто основывались на старейших исторических документах, в которых упоминается шведоязычное население Эстонии. Такая датировка указывает на относительно позднее время — вторую половину XIII в. (или еще позже). Однако письменное упоминание о шведах в средневековом документе само по себе является слабым аргументом для оценки давности поселений. Важно подчеркнуть, что позднесредневековые документы, описывающие жизнь общин, указывают не на время основания самих поселений, а только на то, что на время написания документа в них уже проживало шведоязычное население и что шведы, например, покупали землю или получали особые права. То есть они указывают *на самый поздний момент*, когда шведы появились в Эстонии, а не на самый ранний, как до сих пор по разным причинам нередко считалось.

Упомянутые документы не содержат информации о том, сколько лет скандинавские деревни уже существовали до момента составления самих документов, ими только подтверждается тот факт, что поселения по крайней мере не могут быть более ранними. Это особо важно подчеркнуть, потому что средневековые данные из-за сложности интерпретирования часто приводят исследователей к противоположным выводам, которые потом используются как важные аргументы. Нередко предполагается, что поселения должны быть не старше, чем с момента создания документов. Однако сам материал такое предположение не поддерживает.

На самом деле нет никаких оснований считать, что исторические источники описывают древнейший этап истории эстонских шведов. Это всего лишь предположение. Самое старое письменное доказательство присутствия группы населения ничего не говорит о ее истории до создания документа. Принципиально ошибочные аргументы ясно демонстрирует такой гипотетический пример: самые древние письменные свидетельства о поселениях на территории современной Швеции обычно относятся к XIII в. (совсем немногие места упомянуты ранее) и не говорят ни за, ни против того, что поселения со скандинавским населением в границах того или другого прихода существовали уже в доисторическое время. Однако мы «знаем», что они существовали, но у нас нет более древнего исторического материала. Ситуация с историей эстонских шведов такая же. Вышеупомянутый пример показывает, что интерпретация на самом деле означает предвзятое мнение о значимости документов, а не то, о чем они свидетельствуют. Подтверждения требуют не только предположение о доисторической датировке основания скандинавских поселений в Эстонии, но и средневековая версия их возникновения! Исторические документы не дают ответа на этот вопрос. Однако есть и другие исходные материалы, которые могут сказать значительно больше. Они дают нам четкие указания на то, что история по крайней мере некоторых скандинавских поселений уходит в период до Средневековья и, вероятно, намного дальше, вплоть до позднего железного века.

Ссылаясь на границы сравнительно недавних национальных государств, следует быть особенно осторожным, чтобы не присвоить ранним жителям прибрежной зоны Эстонии такую культурную идентичность, которой у них не было. Мы хорошо знаем, что народность «эстонские шведы» не может быть легко выявлена в древние времена, это довольно поздняя конструкция, по сути, продукт XX в. Даже понятие «шведский» может быть отслезено в истории не дальше, чем до Средневековья. Национальные наименования часто являются поздними, но это не дает основания считать поздним само языковое и культурное содержание. Поэтому вопрос о взаимодействии скандинавского и финно-угорского населения имеет значительно более важное значение для истории и не зависит от новых взглядов на национальность. Независимо от более поздней этнической принадлежности, все же неоспоримо, что существовали две разные языковые группы. Разумеется, их идентичность со временем менялась, но основные языковые различия помогали не поддаваться культурно-языковому смещению. Долгие столетия эстонские шведы культивировали свой язык

и культуру, не сливались с соседними жителями, которые говорили на финно-угорском языке. Но это не значит, что между данными группами не было взаимодействия. Напротив, происходило непрерывное влияние.

Тот факт, что две разные этнические группы существовали уже первоначально, трудно игнорировать. Предположение, что шведоязычное прибрежное население в Эстонии сформировалось под влиянием контактов с Западом и что первоначально эта группа говорила на финно-угорском языке, а позже перешла на скандинавский, кажется маловероятным. Процессы, безусловно, имеют некоторые параллели, но в таком случае должны были существовать очень важные предпосылки для языкового сдвига. Следовало бы говорить о факторах «толчка» и «тяги», а также непосредственно о миграции. Чтобы перейти на другой язык, необходимо внешнее давление, которое дало бы повод воспринимать изменение языка как нечто привлекательное или необходимое. Однако в течение веков эстонско-шведской истории трудно обнаружить какие-либо факторы, говорящие в пользу такого сценария.

Торговых контактов со Скандинавией вряд ли было бы достаточно для такого языкового сдвига, к тому же они не были уникальны только для этих прибрежных районов. Поэтому есть основание говорить о двух различных потоках населения с разными историями колонизации: прибывшие с запада носители скандинавского языка заняли прибрежные районы на ранней стадии, а эстоноязычное население занимало внутренние районы материка. Нет свидетельств о том, что в течение времени в прибрежных районах происходили бы значимые лингвистические и культурные изменения, поэтому, скорее всего, эта область была заселена с запада.

Поселения эстонских шведов в давние времена располагались вдоль побережья и на островах. Основными видами деятельности местных жителей стали охота на тюленей и морских птиц, рыболовство, а также развитое животноводство (выращивание овец, коз и разведение коров). Животноводческому хозяйству способствовали обширные прибрежные пастбища, которые постепенно увеличивались за счет изостаии (возвышения земли). Основные источники пропитания могут указывать на то, что эстонские шведы занимали особую экологическую нишу. Она в достаточной степени не использовалась эстонцами, которые заселяли в основном внутренние территории материка и выходили на берега только во время сезонного рыболовства. К тому же прибрежные районы по природно-географическим причинам были в какой-то мере отдалены от внутриземельных — во многих местах между ними располагалось много болот.

Поселения эстонских шведов в древние времена имели ландшафт архипелага, который только в последние столетия соединился с материком благодаря изостазии прибрежных районов.

При нынешнем состоянии изучения вопроса трудно рассуждать о масштабах ранних скандинавских поселений. Вероятно, это были небольшие общины с развитыми гаванями. Выяснение процессов развития поселений также затруднено вследствие произошедших изменений морского уровня. Йохансен [1951] считал, что колонизация происходила с побережья в сторону материка, однако более вероятно, что деревни, которые находились немного в глубине материка, были самыми ранними и что возвышение земли впоследствии позволило освоить дополнительные районы и острова.

Есть основания предполагать, что распространение прибрежных шведских поселений продолжалось до прихода шведской власти в Эстонию. Великое восстание на севере Эстонии в 1343–1345 гг. привело к разрушению деревень, и, возможно, некоторые районы были захвачены шведами. Несколько лет спустя Скандинавию охватила «черная смерть», которая также повлияла на ситуацию в Эстонии.

Понятие «шведское право»

Уже в Средние века в различных документах говорится, что у шведов в Эстонии были свои имения, на которые распространялось «шведское право». Наряду с относительной отдаленностью шведских поселений от материка «шведское право», вероятно, является самой важной причиной, по которой на протяжении веков не произошло полной ассимиляции этой этнической группы. Шведский закон означал, что прибрежные крестьяне могли свободно перемещаться (хотя эта свобода ограничивалась относительно небольшими территориями, предвиденными шведским правом), то есть они не были крепостными, а имели статус, аналогичный крестьянам Швеции и Финляндии. Лица, на которые распространялось шведское право, были обязаны доставлять помещикам определенное количество различных товаров и продуктов, таких как рыба, древесина, зерно, сено, сыр, свиньи, а также выполнять дневную норму работ у помещика, помимо управления своим хозяйством. Эстоноязычные крестьяне, в свою очередь, поэтапно стали крепостными, принадлежащими конкретному поместью, они могли быть проданы, им приходилось трудиться в очень тяжелых условиях.

Неизвестно, как шведам удалось добиться установления «шведского права», также нет достоверных сведений о том, что именно обусловило переселение жителей со шведского берега в Эстонию. Существует мнение, что Ливонский орден был заинтересован в том, чтобы побережье было заселено надежными, обращенными в христианство крестьянами, и шведы подходили для этой цели. Однако возможны и другие объяснения.

«Шведское право» означало, что шведские рыбаки были обязаны платить помещикам значительно меньшую дань, чем эстонцы. Также на шведов распространялось меньше ограничений. Редкое вассальское подданство в Средние века преобладало длительное время, и это не было серьезной проблемой для местных шведов. Период с XIII в. до распада ордена в 1561 г. также был относительно благоприятным для шведских поселений в Эстонии. Пока крестьяне жили в тех областях, на которые распространялось «шведское право», они находились в привилегированном положении. Дома увеличивались и укреплялись, люди имели больше возможностей для пропитания за счет лоцманской проводки судов, охоты и рыбалки, а грозные военачальники были далеки от повседневной деятельности прибрежных шведов.

Сокращающееся меньшинство

В период с середины XVI в. до наших дней численность эстонских шведов постоянно уменьшалась. Приток новых жителей прекратился к концу XVI в. Главная причина начала этого процесса связана с установлением власти Шведской империи над Эстонией и частями Лифляндии. Как это ни парадоксально, время шведской власти в Эстонии (1561–1710) не стало эпохой процветания для эстонских шведов. До 1650 г. Шведская империя почти непрерывно участвовала в различных войнах, что требовало огромных денег, а также большого количества военнослужащих. На нужды далеких военных походов не хватало людей, вербовались наемники, например из Шотландии, Германии, Франции. Чтобы поддерживать военный аппарат, власть шведского короля должна была вознаграждать как своих финансистов, так и военных. Для этой цели использовались новоприобретенные земли на другом берегу Балтийского моря. В распоряжении финансистов и офицеров отдавались районы, где они могли создавать свои имения. Почти в каждой деревне строились поместья, крестьяне были изгнаны, большие территории, обычно самые плодородные, были отданы в пользование помещиков. Крестьян заставили больше работать и поставлять все

большее количество сельскохозяйственных, охотничьих и рыболовных продуктов. Земли шведов стали культивироваться более интенсивно, в отличие от традиционного двух-трехсезонного использования. Свободные прибрежные жители были вынуждены заниматься животноводством.

Эстонские шведы видели, что их традиционные привилегии находятся под угрозой. Новый богатый помещичий класс считал излишними права крестьян на ограничения по выполнению обязательных работ и снабжению поместий товарами. Возможно, новый класс считал, что шведских крестьян нужно заставить работать на благо помещиков так же, как крепостных эстонцев. Во времена королевы Кристины пришлось закрепить привилегии, чтобы помещики не слишком усердствовали. Но это подтверждение было малодействительным, и фактически бремя крестьян увеличилось.

Бороться за сохранение привилегий пришлось и эстонским шведам с острова Хийумаа (шв. *Dagö*) в XVII в. Землевладелец де ла Гарди (*de la Gardie*) постоянно ссорился со шведскими крестьянами, и они под руководством Йорана Яacobсона из Кидасте (*Jöran Jacobssonfrån Kitas*), главного эстонско-шведского борца за свободу, сопротивлялись. Представители Хийумаа многократно бывали в Стокгольме, чтобы напрямую поговорить с королем, но возвращались домой ни с чем. Правители государства не полностью осознавали обстоятельства, существовавшие в Эстонии, и привилегии интерпретировали буквально — в пользу помещиков. В результате деревни, которые не были упомянуты в письмах, даже если это были вырезки из оригиналов, были исключены из списков и тем самым потеряли привилегии «шведского права». Йоран Яacobссон, достигший уже преклонного возраста, был забит шпицрутенами, вероятно, до смерти.

В шведское время население постоянно убывало. В налоговом документе 1571 г. из деревни Кудани (шв. *Gutanäs*) прихода Ноароотси (шв. *Nuckö*) было отмечено, что после татарских нападений вся деревня была опустошена. Только спустя несколько десятилетий в деревне появились новые жители. Окончание периода власти Швеции принесло новые удары: низкая урожайность в 1695–1697 гг. и эпидемия чумы в 1710–11 гг. В викарском приходе Ноароотси (*Nuckö*) потеряли счет умершим, регистрируя их в церковных книгах, на острове Рухну (*Runö*) осталось всего несколько десятков жителей, а на острове Осмуссаар (*Odensholm*) вымерли целые семьи.

У крестьян, находившихся под властью России начиная с 1710 г., усилилось стремление к получению привилегий согласно «шведскому праву». Царь предоставил помещикам почти полную свободу в изменении этих

условий. Многие сохранившиеся документы описывают борьбу эстонских шведов против помещиков. Во многих местах эта борьба была проиграна, как, например, в Випалле, где королевское привилегированное письмо не было найдено. Крестьяне Хийумаа (Дагө) из поместья Хоэнхольм, как упомянуто в документах, в 1781 г. были вынуждены бежать от тяжелых условий и поселиться в недавно отвоеванных у Османской империи землях возле Днепра на Украине. Потом их поселение благодаря пришедшим позднее немцам стало называться Альт-Шведендорф — Старошведское.

Беды постигли также жителей Вормси (*Ormsö*), где правила династия землевладельцев Штакельберг (разные поколения жестоких помещиков). «Лифляндские беженцы» стали обычным явлением в прибрежных районах Швеции и Финляндии с конца XVIII в., многие из них происходили из эстонских сельских общин, где постоянные угрозы царской армии и флота, с одной стороны, и злоупотребления помещиков — с другой, были невыносимы для крестьян.

В первой половине XIX в. в балтийских губерниях стало уже невозможно поддерживать прежнюю власть над крепостными. Изменения были обусловлены запретом крепостного права (1816, 1819) и законом, разрешающим выкуп хозяйств (1856). В это время также исчезли эстонско-шведские привилегии, которые отчасти уже устарели в связи с притеснениями помещиков. В сельских местностях Швеции свободная продажа земли стала возможна в 1870-х годах, но собственники не были обязаны продавать землю именно крестьянам, использовавшим ее уже в течение нескольких поколений. Последовавшая эстонизация, которая имела место в нескольких городах Швеции, отчасти объясняется тем, что земли продавались прибывшим в Швецию эстонцам. Для продажи земли требовалось сначала осуществить перераздел территории поместья и отделить земли, отданные на продажу, от тех, которые по-прежнему будут принадлежать поместью. При этом собственники могли сами решать, какие участки станут так называемой шестой частью, которая традиционно выделялась на расширение поместья и не подлежала продаже. В больших поместьях шестая часть могла охватывать целые деревни. Кроме того, при разделении земель владелец поместья мог сделать так, что большая часть ценного леса осталась помещику, а под крестьянские участки отводились менее ценные луга и пастбища. Даже после выкупа земли крестьяне не могли приступить к ее обработке, пока не был произведен вышеописанный перераздел, следовательно, помещик фактически сохранял возможность затормозить процесс, если это было выгодно ему.

В XIX в. были налажены некоторые контакты эстонских шведов с исторической родиной — Швецией. Евангелический фонд Отечества посылал миссионеров в деревни эстонских шведов, чтобы повысить их культурное самосознание. Т.Э. Торен, один из миссионеров, также стал директором шведского семинара учителей в Паслепа (*Pasklep*) прихода Ноароотси (*Nuckö*), где помещик предоставил помещения для образовательной деятельности. Здесь состоялось два выпуска эстонско-шведских народных учителей, которые в дальнейшем стали предвестниками национального пробуждения в общине эстонских шведов.

Выкуп хозяйств и постепенная отмена власти помещиков открыли новые возможности для жителей эстонско-шведских деревень. Тем более что были упразднены старые центры общин в форме поместий и образовались новые, более крупные общины, которые уже не зависели от власти помещиков. Все больше крестьян начали заниматься судостроением и судоходством. Они перевозили по морю грузы в крупные города Реваль, Хельсинки, потом и в Стокгольм, везли туда картофель, фрукты, соленую рыбу, копченую свинину и древесину для торговли. Полученный доход от нового вида деятельности они вкладывали в развитие родных поселений, которые вследствие этого быстро менялись.

От подъема самосознания до побега

Когда Эстония после войны стала независимой, ситуация с эстонскими шведами также изменилась. Они получили представительство в парламенте, кроме того, в стране была проведена радикальная земельная реформа и основная часть бывшей земли помещиков была переразделена и по низким ценам продана безземельным жителям. Многие эстонцы получили небольшие хозяйства на сельскохозяйственных землях в бывших особняках. Помещики в ранний этап истории обеспечили себя лучшими участками деревенских земель, это означало, что, хотя появившиеся в результате реформы участки были небольшими, часто они охватывали более плодородные земли, чем те, которые были куплены крестьянами после отмены крепостного права.

Еще в 1909 г. после долгих переговоров российский царь разрешил создать в Эстонии шведское культурное общество «Друзья шведской культуры» (*Svenska Odlingensvänner, SOV*), целью которого прежде всего было развитие духовной жизни эстонских шведов. Новая организация основана на шведской культурной работе, чей движущей силой выступали учителя

Йохан Ниман (*Johan Nyman*) и Ханс Пёль (*Hans Pöhl*), служившие в Ноаротси (*Nuckö*). Деятельность SOV была особенно важна в тех местностях, куда заселилось много новых эстоноязычных жителей, из-за чего народное образование и богослужения больше не проводились на шведском языке. SOV организовала шведские школы во многих местах от Курксе (*Korkis*) до Осмуссааре (*Odenholm*). В 1920 г. в деревне Пюркси (эст. *Pürksi*, шв. *Birkas*) прихода Ноаротси (*Nuckö*) были созданы народный университет и сельскохозяйственная школа, в которой учились молодые люди из всех эстонско-шведских общин, чтобы получить новые знания по сельскому хозяйству, а также обычным школьным предметам. Молодые люди из разных общин встречались в течение длительного периода, что способствовало сближению между различными деревнями, а это, в свою очередь, было важно для продолжения шведской культурной работы. Благодаря пожертвованиям, поддержке Швеции и сотрудничеству с эстонцами в 1931 г. в городе Хаапсалу была открыта частная шведская гимназия. На основе SOV также сформировалась политическая партия. В январе 1918 г. она начала публиковать на шведском языке еженедельную газету “*Kustbon*”, которая распространялась во всех эстонско-шведских деревнях и несла в дома патриотическое послание «Останься шведом!» (*Varer Svenske!*).

Более тесными стали контакты со Швецией и шведскими общинами в других странах, в первую очередь в Финляндии. Это дало возможность получить необходимую поддержку в деятельности народного университета и гимназии, учителя прибывали в основном из Швеции, также эстонско-шведские преподаватели обучались на семинарах в Швеции и Финляндии. Многие шведы из этих двух стран летом посещали экзотические деревни, чтобы ознакомиться с их традициями и образцами народного строительства. Исследователи языка и фольклора все чаще стали документировать диалекты, фольклор и народные традиции эстонских шведов. Шведский язык начал распространяться, положение диалектов было подорвано высоким уровнем образования в школе. Молодые эстонцы отправились работать в Швецию, за исключением жителей городов Эстонии. Однако в местных деревнях стали распространяться общенациональные шведские традиции, и местные диалекты теряли свои позиции под влиянием преподаваемого в школе шведского литературного языка. Этому процессу способствовало то, что молодежь все чаще отправлялась на работу в Швецию или шведоязычные районы Финляндии, где уже не использовали родной диалект. В свою очередь, молодые эстонские шведы, которые нашли работу в городах Эстонии, как правило, быстро эстонизировались.

Развитие Эстонии в 1930-х годах отчасти имело отрицательные последствия для национальных меньшинств. В рамках шовинистической политики, проводимой в духе времени, были приняты различные меры по ограничению культурной свободы эстонских шведов: их призывали изменить свои фамилии на формы с более эстонским звучанием. Требовалось, чтобы в газете “Kustbon” вместо старых шведских названий деревень использовались только их эстонизированные варианты, все вновь образованные объекты недвижимости получали только эстонские имена и т.д. Такая политика государства расстраивала многих эстонских шведов. Их возмущение, усиленное растущей во всем мире тревогой в связи с угрозой со стороны Советского Союза, а также установление тесных связей со Швецией породили дух протеста, охвативший шведские деревни Эстонии.

Подписанный в августе 1939 г. между Советским Союзом и Германией пакт о ненападении и его секретные соглашения о разделении Центральной Европы стали катастрофой для шведских деревень Эстонии. Осенью 1939 г. Советский Союз потребовал размещения военных баз в странах Балтии и Финляндии. В Эстонию были направлены 25 тыс. солдат, а районы их расположения — на относившихся к шведским деревням островах Пакри (*Rågöarna*), Осмуссаар (*Odensholm*) и Найссаар (*Nargö*) — должны были быть освобождены от жителей и укреплены.

Жители островов были временно размещены у соседей на материке. Часть шведов с острова Найссаар (*Nagrö*) села в свои рыболовные судна и отправилась прямо в Швецию — некоторые из них уже побывали там в 1914–1918 гг., когда Найссаар был выселен предыдущий раз. Народный университет в Пюркси (*Birkas*) стал военным лагерем, обучение пришлось перенести в Вормси (*Ormsö*). В середине июня 1940 г. была оккупирована вся Эстония. Ведущие эстонские политики начали бесследно исчезать, форпосты безопасности были созданы также в более отдаленных шведских деревнях, вся земля была национализирована, общество SOV и газета “Kustbon” были запрещены. Осенью 1940 г. около 8000 эстонских шведов обратились в Москву за разрешением на выезд. Однако такое разрешение было дано только одной группе из 110 бездомных грабителей. В начале лета 1941 г. началась масштабная депортация жителей стран Балтии, она коснулась и деревни эстонских шведов. Были арестованы и убиты некоторые эстонско-шведские лидеры, учителя и другие влиятельные люди.

Немецко-советская дружба была недолгой. 22 июня 1941 г. немцы начали атаку на широком фронте. Красная армия в Эстонии провела прину-

дительную мобилизацию, на восток были отправлены более 300 шведов, только одна треть из них пережила войну. К концу августа-сентября немцы вторглись в деревни эстонских шведов, где их первоначально рассматривали как освободителей от красных репрессий. Однако вскоре стало ясно, что военный режим не принес существенного улучшения, даже если, например, стало возможно вернуться на свои разрушенные острова. Спрос на сельскохозяйственные товары оставался высоким, и продолжалась национализация земли. В итоге немцы также начали проводить мобилизацию местных жителей, которых призывали в основном в войска СС. Это обстоятельство вместе с общим настроением неуверенности и известиями о провале немецких военных планов привело к тому, что весной 1943 г. в сторону Швеции отправился поток лодок с беженцами. Сначала это были молодые люди, которые уклонялись от мобилизации. Осенью того же года Швеция дала разрешение на организацию так называемой медицинской транспортировки — перевозку старых и больных эстонских шведов на другой берег моря. В течение 1944 г. продолжились побеги шведов на небольших частных лодках, многие из которых были заново построены втайне от немцев. Летом с молчаливого согласия стороны немецких властей со стороны Швеции была организована более масштабная транспортировка эстонских шведов, которые не подлежали мобилизации из-за возраста. По оценкам исследователей, между 1940 и 1944 гг. таким образом были перемещены в целом около 7000 человек.

В Швеции беженцев старались как можно быстрее трудоустроить — чаще всего рабочими в сельском хозяйстве или рыболовстве. Эстонским шведам и их женам это не нравилось — бывшим хозяевам, привыкшим самим все решать, сейчас пришлось выполнять указания начальников. Поэтому большинство эстонско-шведских беженцев пытались найти работу в городах, таких как Кумла, Эскильстуна или Сёдертелье, и трудоустроиться в быстро развивающихся отраслях. Некоторые беженцы с помощью государственных займов смогли приобрести небольшие хозяйства. Однако в течение десяти лет эстонские шведы, которые раньше на родине были настоящими сельскими жителями, в Швеции стали группой иммигрантов, составив одну из самых больших групп горожан.

Осенью 1944 г. впервые за многие столетия в старых эстонско-шведских поселениях не было слышно шведского языка. В оставленных домах поселились беженцы с востока — россияне и ингерманландцы, которые прибыли с волной перемещения немецкого фронта на запад после блокады Ленинграда.

Около 1000 или 2000 шведов остались жить в советской Эстонии. После окончания войны некоторые из них были депортированы и мобилизованы как оставшиеся в живых. Теперь, будучи малочисленными и разбросанными, они уже не смогли поддерживать эстонско-шведскую идентичность, за редкими исключениями. Многие из оставшихся в Эстонии шведов заключали браки за пределами своей общины. К тому же для молодого поколения, родившегося после войны, шведский язык только в редких случаях мог стать родным. Считаться шведом в Советском Союзе было опасно, также не было школ, где дети шведов могли бы учиться на родном языке. Шведские деревни были подвергнуты изоляции и выселению, всю бывшую территорию эстонских шведов заполнили военные базы и пограничники — эти окрестности стали советской пограничной зоной. На протяжении всего советского периода существовали ограничения для посещения этих территорий даже для жителей остальной части Советского Союза, а легальный въезд иностранцев, например из Швеции, вообще был невозможен вплоть до 1988 г. Коллективизация сельского хозяйства, начавшаяся в Эстонии в 1949 г., сопровождалась новыми депортациями, которые также затрагивали шведов, оставшихся в Эстонии. Молодежь убегала от колхозов. Рыбная ловля — традиционный эстонско-шведский промысел — теперь осуществлялась в форме рыболовецких колхозов под строгим контролем и только со специальных портов. Со временем отрасль переориентировалась на крупномасштабное траление в океанах.

Из шведских деревень уезжала не только молодежь. Так, к концу советской эпохи в Таллине была сконцентрирована самая большая часть эстонских шведов и их потомков.

Шведские деревни после распада Советского Союза

Во второй половине 80-х годов эстонские шведы, которые во время войны бежали в Швецию, смогли возобновить контакты с родными деревнями и родственниками, оставшимися в Эстонии. Это привело к усилению эстонско-шведского движения. Если в начале 1980-х годов обсуждались возможное закрытие газеты “Kustbon” и прекращение деятельности общества Друзей шведской культуры, то в конце десятилетия уже можно было наблюдать активность и большой интерес к происходящим событиям, которые еще несколько лет назад никто не мог себе представить. Поскольку Эстония восстановила свою независимость и предоставила возможность бывшим владельцам вернуть собственность на землю в эстонско-шведских

поселениях, интерес также приобрел материальное выражение. Эстонские шведы, проживающие в Швеции, создавали общества, в которые объединялись выходцы из одной деревни и их потомки. Многие семьи подали заявки на восстановление права собственности на их бывшие земли в Эстонии. Тем не менее многие эстонские шведы за пятьдесят лет настолько ассимилировались в Швеции, что потеряли интерес к старым деревням. Поэтому часть бывших эстонско-шведских земель была выставлена на аукцион, если довоенные владельцы хотели получить компенсацию за их бывшие земли и хозяйства. Поскольку шведские деревни, как правило, расположены у живописных пляжей и в то же время недалеко от городов, спрос на участки под дачные коттеджи был высоким и цены быстро росли.

Все же многие эстонские шведы решили вернуться на родину и построить летний дом на отцовской земле. Только в редких случаях сохранились старые постройки, в домах, как правило, жили новые владельцы с правами на собственность, приобретенными в советское время. Остров Осмуссаар (*Odensholm*) стал заповедником, участки на островах Пакри (*Rågöarna*), Найссаар (*Nargö*) и Рухну (*Runö*) могли быть возвращены их старым жителям, если они этого желали. Процесс возврата имущества часто занимал длительное время, в некоторых случаях бывшие собственники обращались в суд, поскольку им было трудно понять, что недавние иммигранты могли иметь право на проживание и земельную собственность.

Также в среде эстонских шведов, оставшихся в Эстонии, возродилась национально-культурная деятельность. Примерно в 1980 г. образовалась неофициальная группа эстонских шведов, которые тайно собирались в Таллине, чтобы общаться на родном языке. Впоследствии из этой группы выросло Общество культуры эстонских шведов (*Samfundet för Estlandssvensk Kultur*, SESK) — первая ассоциация национальных меньшинств, которая в Советском Союзе получила разрешение на деятельность. Организация привлекала не только оставшихся в Эстонии шведов, но и более широкую заинтересованную аудиторию. В 1990-х годах снова начал действовать шведский приход Святого Михаила, который был запрещен на протяжении всей советской эпохи. Спустя несколько лет приходу была возвращена его старая церковь на улице Рютли (*Riddaregatan*), где в советское время размещался боксерский клуб. С большой поддержкой со стороны Швеции церковь была отремонтирована и получила vicaria из Швеции. Церковь была заново открыта шведской королевской парой в 2002 г., в то же время они открыли Государственный музей эстонских шведов в Хаапсалу (*Aibolands Museum i Hapsal*).

В начальной школе центральной эстонско-шведской деревни Пюркси (*Birkas*) волости Ноароотси (*Nuckö*) в конце 1980-х годов начали преподавать шведский язык, а в начале 1990-х по инициативе местных жителей была открыта гимназия-интернат «со скандинавским направлением». Теперь она является единственной государственной гимназией-интернатом в Эстонии и играет важную роль в преподавании шведского языка в Эстонии вообще. Также гимназия важна для поддержания культурного самосознания эстонских шведов. Большинство шведов, родившихся в Эстонии после войны, используют эстонский в качестве основного языка. Рождение внуков отдалило их от шведского языка и культуры, поскольку доля носителей шведского языка в кругу их родственников существенно сузилась. Благодаря тому что молодых эстонских шведов (наряду с другими детьми) в Пюркси (*Birkas*) начали обучать шведскому языку, повысилась осведомленность учеников о местном культурном наследии, появилась возможность поддерживать связи с родственниками, живущими в Швеции. Тем, кто хотел бы углубить свои знания шведского языка, предоставлялась возможность изучать скандинавистику в Тартуском университете, с акцентом на шведском языке.

Несмотря на многочисленные инициативы, а также на то, что во многих местах были построены коттеджи и молодые эстонские шведы начали осознавать свои шведские корни, эстонско-шведская культура в их старых деревнях напоминает едва мерцающее пламя. Настоящих эстонских шведов, по сути, уже нет. На вопрос о том, сохранится ли в Эстонии какая-нибудь форма шведской этничности, трудно ответить. С одной стороны, древний местный диалект, несомненно, относится к шведскому языку, с другой — эстонские шведы, говорящие на литературном шведском языке, безусловно являются шведами.

Язык — отличительная черта эстонских шведов!

Когда пожилых эстонских шведов спрашивали, что является самым важным в их культуре, они отвечали: «Наш язык!» Ничто так не радовало читателей газеты “*Kustbon*”, как опубликованный в ней рассказ на говоре одной из эстонско-шведских деревень. Очевидно, самым важным элементом, который помог пережить беспокойные времена, была шведская речь.

В XX в. существовали четыре разных диалектных района эстонских шведов. Западный район охватывал Ноароотси (*Nuckö*), Вормси (*Ormsö*) и Хийумаа (*Dagö*), откуда в 1781 г. большинство жителей были вынуждены

переселиться на Украину. Тем не менее шведы из Хийумаа (*Dagö*) сохранили свой говор на протяжении веков настолько хорошо, что швед из Эстонии без труда понимал представителя старошведов, выросшего уже на Украине. Во второй диалектный район — восточный — входили острова Пакри (*Rågöarna*), а также окрестности Курксе (*Korkis*) и Вихтерпалу (*Vipall*). Здешний говор сильно отличался от речи западного района. Тем не менее эстонские шведы понимали друг друга, несмотря на то что различия были довольно большими даже между жителями восточного и западного островов Пакри (*Rågö*). Вероятно, шведские говоры полуострова Пакри Неем (*Packerort*) также принадлежали к западному диалектальному району. Говор третьего диалектального района — южного — сохранился до последнего времени только на острове Рухну (*Runö*), а ранее употреблялся также эстонскими шведами островов Сааремаа (*Ösel*) и Кихну (*Kynö*). Южный говор был самым своеобразным, и представители остальных эстонско-шведских говоров с трудом его понимали. Предыстория южной группы эстонских шведов, вероятно, была совершенно иной как по происхождению, так и по времени переселения. Предполагается, что четвертый диалектный район, к которому в последнее время принадлежал только Найссаар (*Nagrö*), имел больше общего со шведским диалектом региона Уусимаа (*Nyland*) в Финляндии, откуда в течение последних столетий, как предполагается, имела место иммиграции. В общей сложности современные лингвистические данные позволяют считать, что все эстонско-шведские диалекты произошли из области юго-западной Эстонии, Готланда и Эланда, а также с западных районов шведского материка — Сёдерманланда, Эстергётланда и восточного Смоланда. Различия между диалектами могут указывать на разные периоды прибытия, разные места происхождения в пределах более крупного общего региона и на разные условия в новых местах поселения.

Эстонско-шведские говоры развивались в особой среде и при особых обстоятельствах. После перемещения большинства эстонских шведов в Швецию их говоры перестали существовать. Будучи в Швеции, переселенцы старались быстрее интегрироваться в общество, они хотели, чтобы их дети стали гражданами Швеции и вписались в ее повседневность. Многие эстонские шведы в Швеции заключили браки с местными, и похоже, что многие из них даже не думали о возможности когда-либо вернуться в родную деревню. Хотя пожилые эстонские шведы, встретив кого-нибудь из родной деревни, любили поговорить на своем диалекте, мало кто из них пытался научить детей и внуков своему родному языку — говору род-

ной деревни. Поэтому будущее этих говоров выглядит печальным. Означает ли это, что эстонско-шведский язык умрет — ведь на нем больше никто не говорит? В каком-то смысле, может быть, так оно и есть. В то же время на основе общего культурного наследия и интереса к родным местам предков, возможно, зародилась новая эстонско-шведская идентичность, но это будет культура, выраженная на «финско-шведском» языке, который является шведским языком для молодежи как в Швеции, так и в Эстонии.

Уже в XIX в. многие путешественники, побывавшие в деревнях эстонских шведов, считали их экзотическими. В частности, были отмечены их древние обычаи. Причиной экзотичности, вероятно, служил тот факт, что они *говорили* по-шведски (хотя не все слова можно было понять), а жили в контексте культуры, которая значительно отличалась от той, что существовала в Швеции или шведоязычных районах Финляндии (это вызывало ощущение старомодности). Хотя деревни, постройки, сельскохозяйственные культуры и другие отрасли деятельности эстонских шведов создавали впечатление древности, их нельзя сравнивать с сообществами викингов, что часто делалось раньше.

Эстонские шведы обычно жили в деревнях с нерегулярной планировкой, так называемых *klungbyar*, которые характерны для западной и северо-западной Эстонии в целом. Дворы были довольно редкими, затенены крупными лиственными деревьями, создавая впечатление рощи, а не деревни. Почти все шведские села отличались от эстонских по форме и функциям домов. Там, где эстонцы комбинировали овин с жильем, у шведов был отдельный жилой дом. Культивирование земли произошло в древние времена (до XVII в.), и для вспахивания полей во многих местах продолжали использовать типичный скандинавский плуг. Эстонские шведы в основном занимались животноводством — на больших пастбищах паслись коровы, лошади, козы, овцы, свиньи, также держали кур и уток. Более интенсивная сельскохозяйственная деятельность была невозможна, поскольку земли на этих территориях недостаточно плодородны. Охота и рыболовство были необходимым дополнением животноводства.

Эстонско-шведские народные костюмы во многом были похожи на народную одежду, которую носили в Швеции. Использование народных костюмов относительно рано прекратилось в Ноароотси (*Nuckö*), где современный красный костюм — это изобретение 1920-х годов, созданное на основе эстонского народного костюма. Мужские костюмы были упрощены или вышли из моды, в то время как женщин, одетых в национальные

костюмы, часто можно было видеть, например, на Вормси (*Ormsö*) и Рухну (*Runö*), вплоть до побега в Швецию в 1943–1944 гг.

Еду в основном готовили из того, что вырастили сами. Эстонские шведы владели мастерством изготовления сыра, помещики это ценили и требовали включить сыр их производства в ежегодные поставки из подчиненных хозяйств. Мясо и рыбу коптили или сушили, главными продуктами в рационе были хлеб и каша. Развиты были традиции пивоварения, пиво можно назвать национальным напитком эстонских шведов, хотя обычно оно варилось на Рождество и в летнее время.

Во многих поселениях эстонских шведов — Рухну (*Runö*), Пакри (*Rågöarna*), Вихтерпалу (*Vipall*) — женщины мастерски плели кружева, прежде всего для украшения своих костюмов. Они использовали тонкую льняную нить и плели вручную, без какого-либо шаблона или модели, что считается очень сложным занятием. Мужчины умели строить судна, в более позднее время — парусники. Эстонские шведы также были известны как опытные кузнецы, практически в каждом хозяйстве была небольшая кузня.

Эстонская шведская нематериальная культура менее изучена, хотя в разных архивах хранится много записей на эту тему. За исключением стихов любимого сельского поэта Матса Экмана из Ригулди (шв. *Rikull*), умершего в 1934 г., до 1920-х годов было создано немного литературных произведений. В то же время народная музыка исполнялась в разных контекстах. В Вормси (*Ormsö*) и Хийумаа (*Dagö*) играли на простом смычковом музыкальном инструменте тальхарпа (тагельхарпа). Позже на материке получила распространение скрипка, а волынка (*dråmpipen, säckpipan*) была известна на островах Пакри (*Rågöarna*) еще в начале XX в. Широко известно пение церковных псалмов, для этого долгое время использовалась составленная Пуншелем (*Punschel*) книга немецких песнопений, а также шведская книга псалмов 1695 г., составленная архиепископом Хаквина Спегелем (*Haqvin Spegel*). К сожалению, традиция церковного пения до наших дней не сохранилась.